

СУВОРОВ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ И РАССКАЗАХ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

СУВОРОВ
В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
И РАССКАЗАХ

СОСТАВИЛ М. БУЛАТОВ

Издательство „Правда“
Москва — 1942

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Суворов в народных песнях и рассказах. <i>М. Булатов</i>	3
Рассказы о Суворове	8
Песни о Суворове	33
Источники	39

Отв. редактор **Е. ПЕТРОВ**

Издательство „Правда“		Изд. № 111
А50870	Зак. тип. 289	Тир. 150 000
Статфор. А 105×148 мм 1 ¹ / ₄ п. л.		Кол. зн. в 1 п. л. 43 200
Цена 20 коп.		Подп. к печ. 7/IV 1942 г.

Типография „Красное знамя“, Москва, Сушевская, 21

СУВОРОВ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ И РАССКАЗАХ

В ряду имен, которые русский народ до сих пор произносит с огромным уважением и любовью, имя Александра Васильевича Суворова занимает одно из первых мест. С этим именем связаны воспоминания о славных битвах, о доблестных победах, о безграничном мужестве русских воинов.

Ненавидимый и травимый чванной придворной знатью, Суворов был и до наших дней остается подлинно народным героем.

Несмотря на свой высокий чин и мировую славу Суворов всегда был близок к солдату. Он первый понял и оценил выдающиеся способности русского солдата, его неслыханную храбрость, выносливость, инициативу, смекалку. По словам известного поэта-партизана Дениса Давыдова, Суворов «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение». Для Павла и Аракчеевых солдат был «простым механизмом, артикулом предусмотренным». Для Суворова солдат был живым, достойным уважения человеком. «Каждый воин должен понимать свой маневр», — заявлял Суворов. И суворовские солдаты, воспитанные великим пол-

ководцем, действительно понимали «свой маневр». Только при этом условии могли они взять неприступный Измаил, перейти по Чортову мосту, одолеть снеговые Альпы и совершить еще много безумно смелых поступков.

Солдаты безмерно любили своего «седого генерала» и готовы были идти с ним на какие угодно трудности. Они верили в его непобедимость. Сохранился один очень трогательный рассказ. Когда Суворов умер, его гроб на пышном и громоздком катафалке повезли в Александро-Невскую лавру. Ворота были узки, и кто-то выразил опасение, что погребальная колесница не пройдет в них. «Он везде пройдет!» — неожиданно громко и убежденно воскликнул стоявший в толпе суворовский ветеран.

Гениальность Суворова как полководца, его неустрашимость, необыкновенный для того времени демократизм — все это сделало его самой популярной личностью в солдатской среде. Уже при жизни Суворова о его подвигах складывались легенды, о нем рассказывали многочисленные анекдоты, пели песни. Эти рассказы и песни в совокупности своей составляют своеобразную поэтическую биографию старого генералиссимуса. И надо признать, что несмотря на некоторые фактические несоответствия эта «народная биография» Суворова удивительно точно, верно и вдумчиво раскрывает сущность великого полководца: перед нами смелый воин, великий вождь славных русских

солдат, оригинальный и умный человек, ненавистник придворного угодничества и глупых и уничительных «пруссских затей».

Суворовские песни и рассказы жили в солдатской среде широко и долго. Многочисленные эпизоды из жизни Суворова были, по свидетельству одного мемуариста, известны всем — «от офицера до любого простого ратника». Они переходили из уст в уста, от поколения к поколению.

Особый интерес представляют суворовские песни, до сих пор не собранные воедино и разбросанные по различным сборникам и журналам. Эти песни говорят почти о всех походах великого полководца. Песни отмечают выдающиеся военные заслуги Суворова, выражают восхищение его опытностью и храбростью, его «правдой».

С предводителем таким
Воевать всегда хотим;
За его храбры дела
Закричим ему „ура“—

так поется в одной песне.

Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
Что ты правдою живешь,
Справедливо нас, солдат, ведешь!—

поется в другой.

Песни противопоставляют Суворова другим генералам, его современникам, и даже приписывают ему такие победы, к которым Суворов имел в

действительности лишь косвенное отношение. Так, в песне о бое под Гросс-Эгерсдорфом (1757 г.) Суворову на основании только его позднейших заслуг отводится главное место:

Князь Румянцев, генерал,
Много силы истерял;
Вор Потемкин, генерал,
В своем полку не бывал,
В своем полку не бывал,
Все силы растерял —
Кое пропил - промотал,
Кое в карты проиграл...
А Суворов, генерал,
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал —
Короля во полон брал!

Во многих песнях подчеркиваются отличительные свойства суворовского характера — его личное бесстрашие, отвага, мужество. В самые опасные моменты великий полководец среди своих солдат:

Тут Суворов выступает,
Всю опасность презирает;
Он приказ войску отдал,
Во сражение сам стал...

Отмечают песни и необыкновенную простоту Суворова, его умение найти слова, понятные солдату:

Как у нас было за городом, за Вендэрой,
Не две тученьки, не две грозные они выкатались:
Выкаталася сила-армия во чисто поле,
Во чисто поле, в широкое раздолье,
Выходил тут сам-ат батюшка граф Суворов,
Камышовой своей тросточкой он комендует:¹
„Становитесь вы, солдатушки, по правому флангу,
Вы берите, ребята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте!..“

¹ Командует.

Народные легенды, сказы, анекдоты и песни о Суворове имеют большое художественное и историческое значение. Они рисуют нам знаменитого полководца так, как понимали его народные массы, в частности солдаты. Все, что относится к жизни и творчеству великого военного гения России, должно быть собрано и изучено. Ибо Суворов является нашим предком, ибо его славные боевые традиции живы до сих пор, ибо и в эти торжественные и грозные дни мужественный образ старого фельдмаршала вдохновляет доблестных воинов Красной Армии, зовет их к новым победам, к разгрому немецких грабителей, к их полному и окончательному уничтожению!

М. Булатов

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ

«У МЕНЯ ВСЕ — БОГАТЫРИ: КОЛЮТ ПО ДЮЖИНЕ!»

Вспоминая свою прежнюю службу, Суворов сказал однажды солдатам:

— Вы помните, чудо-богатыри, как я в Семилетнюю войну с одним эскадроном жал целый полк?

Сказал он это в присутствии одного прусского генерала, как раз во время развода Фанагорийского полка. В это время к нему подошел гренадер с рапортом о смене. Суворов, увидя его, отскочил в сторону, говоря:

— Боюсь!.. Боюсь!.. Он страшен!..

После этого он спросил гренадера:

— Можешь ли ты на свой штык взять полдюжины немцев?

— Это мало будет, ваше сиятельство, я справлюсь и с дюжиною! — ответил тот.

Суворов расхвалил храброго солдата, приказал адъютанту наградить его и, обратясь к иностранному генералу, заметил:

— У меня все — богатыри: колют по дюжине! Этот гренадер сказал, что ему полдюжины мало!

ЧЕМ БОЛЬШЕ НЕПРИЯТЕЛЕЙ, ТЕМ ЛУЧШЕ

Во время славного сражения при Мартинетти в 1789 году принц Кобургский сказал Суворову:

— Видите вы, какое множество неприятелей мы против себя имеем?

— То-то и хорошо, — отвечал Суворов. — Чем больше неприятелей, тем больше и замешательства между ними и тем удобнее можно их перекотить. Да к тому же их не столько, чтоб они нам солнце заслонили!

«МЫ ПРИШЛИ ИХ БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ!»

В Семилетнюю войну Суворову было поручено с сотней казаков наблюдать за движениями войск прусского генерала Платена и по возможности затруднять их.

В одну ночь Суворов сделал переход в сорок верст и скоро очутился перед неприятелем.

Впереди река, моста нет.

— Вперед! — крикнул будущий полководец и первый бросился в воду.

Казаки последовали его примеру и вплавь переправились через реку.

Перед ними город Ландсберг.

— Город наш! Ура! Нападем! — воскликнул Суворов.

— В городе прусские гусары, — возразили ему.

— Помилуй бог, как хорошо! Их-то мы и ищем!

— Не прикажете ли узнать: сколько их?

— Зачем? — отвечал Суворов. — Мы пришли их бить, а не считать!

И прусские гусары были разбиты и захвачены в плен.

«ЗАМАНИВАЙ ШИБЧЕ!.. ЗАМАНИВАЙ!»

В третьем бою на берегах реки Требии войска дивизий Багратиона и Швейковского были сильно теснимы Макдональдом. Полк, шефом которого был генерал Розенберг, был окружен и отстреливался на четыре стороны.

В это время Суворов лежал в тени большого камня в одной рубашке, а китель держал за рукав.

Розенберг подъехал к нему с докладом о положении дел и просил разрешить отступление.

— Попробуйте поднять этот камень, — сказал герой. — Не можете? Ну, так и русские не могут отступать!..

В эту минуту прискакал Багратион с донесением, что войска еле держатся, что они утомлены до крайности.

— Нехорошо, князь Петр! — сказал Суворов и велел дать коня.

Перекинув китель через плечо, он помчался к войскам Швейковского, которые дрогнули и поспешно отступали.

— Заманивай шибче!.. Заманивай! Шибче заманивай!.. Бегом! — кричал Суворов бегущим солдатам и вдруг властно приказал:

— Стой!

Беглецы остановились. Скрытая батарея брызнула в лицо французов картечью.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. В штыки!.. — закричал Суворов. — Ура! С нами бог! Вперед!

Могли ли устоять неприятельские полубригады перед натиском хотя и утомленных, но воодушевленных могучим словом любимого вождя русских чудо-богатырей? Макдональд был разбит и прогнан на правый берег реки Требии.

НИКОГДА НЕ ТЕРЯТЬ ХЛАДНОКРОВИЯ

Перед сражением при Фокшанах, когда Суворов шел примкнуть к корпусу принца Кобургского, на пути, уже в виду неприятеля, он велел войску остановиться и построиться в каре. Сам же он сошел с лошади, влез в пруд и купался более часа, даже тогда, когда передовые его войска начали с неприятелем перестрелку из пушек. Тогда Суворов вышел из воды, оделся и отдал приказ идти вперед, промолвя:

— Теперь, с божиею помощью, пойдем на неприятелей, нападём на них и побьём!

И неприятель действительно был разбит и побежден.

«ВОТ МОИ ПЛАН!»

Во время Итальянского похода один из австрийских стратегов потребовал от Суворова план кампании. Суворов развернул лист чистой бумаги и сказал:

— Впереди бог, за ним я, за мною вы — прошу не отставать, вот мой план!

Много разговаривать с Суворовым не приходилось. Хотя стратег этот в душе не особенно-то доверял Суворову, но спустя три месяца в Италии не было ни одного француза. А ведь ими командовали такие доблестные вожди, как Моро, Жубер, Макдональд.

«ГДЕ ИМ ВЗЯТЬ?»

Некогда у русских вышел спор с союзными австрийскими войсками о пушках, взятых у неприятеля. Союзники требовали, чтобы им отдали половину. Суворов решил дело таким образом:

— Отдать им все пушки! Все отдать! Где им взять? А мы себе еще добудем!

«Я ПОСТАРАЮСЬ САМ ПРИНЕСТИ К НИМ МОЮ ГОЛОВУ!»

Чрезвычайные успехи и быстрые победы Суворова в Италии привели французскую Директорию в крайнее смятение. Не зная, что делать, она обе-

пала тому, кто привезет голову Суворова, два миллиона ливров в награждение.

Узнав об этом, Суворов приказал привести к себе пленного француза. Когда француза привели, Суворов сказал ему:

— Я отпускаю тебя в твоё отечество. Желаю тебе счастливого пути! Когда будешь у себя, прежде всего объяви от меня Директории: сумма, за голову мою назначенная, велика. Да у вас и денег столько нет. Скажи своей Директории: я постараюсь сам принести к ним мою голову вместе с моими руками!

**«ЕСЛИ БЫ МОЯ ШЛЯПА ЗНАЛА МОИ ПЛАНЫ,
ТО И ЕЕ Я ДАВНО СЖЕГ БЫ!»**

Прибыв в Вену, по дороге к вверенной ему итальянской армии, Суворов был приглашен в военный совет, где должен был представить свой план предстоящей кампании. То же было предложено и прочим членам военного совета.

Наш великий полководец скромно выжидал своей очереди, держа в руках какой-то сверток.

Когда же, наконец, попросили его показать и его план, он раскинул на столе лист белой бумаги — и больше ничего!

Ученые члены верховного военного совета с недоумением переглядывались, удивляясь странности или невежеству русского полководца, который тем временем весело улыбался и говорил:

— Если бы моя шляпа знала мои планы, то и ее я давно сжег бы!

Последующие события доказали, что план старого фельдмаршала действительно был хорош. Несмотря на интриги военного совета новые лавры покрыли седую голову героя и его войска. Двадцать пять крепостей и восемьдесят тысяч пленных было забрано в самом непродолжительном времени, и Италия была освобождена от французов.

«ЗАРОЙТЕ МЕНЯ ЗДЕСЬ В ЗЕМЛЮ!..»

Перед переходом через Сен-Готард утомленные непрестанными военными трудами русские войска с згорчением смотрели на неприступные скалы, покрытые льдом и снегом. Им предстояло взбираться на эти скалы, очищая себе каждый шаг оружием. Солдаты первых колонн возмутились и не хотели идти дальше.

Узнав о том, Суворов прибежал к ним и велел вырыть на дороге яму. Солдаты яму вырыли. Тогда Суворов лег в эту яму и крикнул солдатам:

— Заройте меня здесь в землю! Оставьте здесь своего генерала! Вы не мои дети! Я не отец вам более! Назад я не пойду, а умру здесь!

Услышав это, солдаты столпились возле Суворова и стали просить, чтобы он вел их на вершину Сен-Готарда, чтобы согнать оттуда французов.

Они сдержали свое слово, и этот удивительный поход был совершен.

«ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ»

Однажды в присутствии Суворова зашел разговор о военных действиях. Кто-то из собеседников, желая польстить Суворову, сказал:

— Ваша светлость имеет пристрастие к войне!

— Помилуй бог! — отвечал Суворов. — Помилуй бог всякого православного от такого «пристрастия»! Моя цель — вести войну для водворения мира, а не нарушать мир для славной войны. Помилуй бог! Худой мир лучше доброй ссоры!

СУВОРОВСКОЕ ЛЕКАРСТВО

Во время похода против французов Суворова сопровождал австрийский полковник Шток. Перед самым началом сражения Шток вдруг упал с лошади и сказал подбежавшим офицерам, что он не может идти в бой, потому что у него внезапно начались колики. Его хотели поднять и нести в госпиталь. В это самое время подъехал Суворов.

— Что такое с ним случилось? — спросил фельдмаршал.

Помогавшие Штоку объяснили, что у полковника внезапно сделались колики и он не может поэтому принять участие в битве.

— Жаль, молодой человек! Помилуй бог, жаль! —

вскричал Суворов. — Он не будет с нами! Как его оставить? Гей, казак, казак! Приколи сердечного скорее! Помилуй бог, жаль — французы в плен возьмут! Чтобы наше им не доставалось, — приколи скорее!

Но только казак наклонил копьё, как «больной» проворно вскочил на ноги и проговорил:

— Мне теперь легче! Прощел припадок, прошёл!

— Слава богу! — сказал Суворов. — Очень рад! Помилуй бог, — тотчас полегче стало!

С этими словами он повернул лошадь и поскакал дальше.

«ВИНОВАТЫ МОИ САПОГИ...»

Занимаясь устройством крепостей, Суворов поручил одному полковнику надзирать за работами новых укреплений. За недосугом или по лености только полковник передал надзор какому-то низшему чину.

Приехав осматривать работы и найдя неисправности, Суворов вызвал к себе полковника и стал ему выговаривать. В свое оправдание полковник заявил, что виноват во всем не он, а его подчиненный.

— Ни он, ни вы не виноваты, — сказал Суворов.

Затем он потребовал, чтобы ему принесли прут. Когда прут был принесен, Суворов начал сечь свои сапоги, приговаривая:

— Не ленитесь! Не ленитесь! Вы во всем вино-

ваты! Если б вы сами ходили по работам, то никаких неисправностей не было бы!

«СКОЛЬКО НА НЕБЕ ЗВЕЗД?»

Однажды в зимний трескучий вечер Суворов выбежал в одном мундире на крыльцо. Возле крыльца он увидел часового, который, подняв голову, любовался звездным небом.

— Служивый! Сколько на небе звезд? — крикнул Суворов.

Часовой, зная, что фельдмаршал не выносил «немогузнаек», смело отвечал:

— Пять миллионов шестьсот двадцать три тысячи восемьсот тридцать одна!

— Неправда! — возразил Суворов, дрожа от холода.

— Извольте, ваша светлость, счесть и проверить мои слова, — спокойно отвечал часовой.

Суворов потрепал солдата по плечу и сказал:

— Помилуй бог, молодец!

А сам поспешно скрылся.

В тот же вечер этот солдат получил от Суворова денежный подарок.

ИТАЛЬЯНСКИЙ СУП

После одного форсированного марша в Италии солдаты сделали привал у одной реки. Ни сухарей, ни другого провизанта у них не было, а есть

сильно хотелось. Сев на берег, они вынули из ранцев ложки и стали хлебать воду. В это самое время к ним неожиданно подошел Суворов и сказал:

— Здорово, ребята! Что это вы делаете?

— Хлебѣем итальянский суп, ваше сиятельство!

— Помилуй бог, как хорошо! — сказал Суворов.

С этими словами он сел среди солдат, им тоже велел сидеть, у одного из них взял ложку и сам стал хлебать воду из реки, приговаривая:

— Славный суп!.. Помилуй бог, славный!.. Вот и ваш фельдмаршал тоже сыт теперь!.. Но — молчок, ребята! Французишки близко — один переход. У них много напечено и нажарено. Все наше будет!

Сказав это, он встал и пошел, а приунывшие было солдаты снова ободрились.

«Я ЗНАЮ КУТУЗОВА»

На ужасном Измаильском приступе Кутузов под натиском яростно бросившейся толпы янычар был принужден отступить во второй раз. В это самое время Суворов послал поздравить его комендантом Измаила и уведомить, что нарочный уже отправлен к императрице с известием о взятии Измаильской крепости.

Кутузов, перекрестясь, воскликнул:

— С нами бог!

И, презирая тысячи смертей, успел собрать своих рассеянных егерей, подкрепил их херсонски-

ми гренадерами и, истребив турок, снова укрепился на крепостном валу.

По окончании победоносного приступа и по отпетни благодарственного молебствия начали пить за здоровье государыни и за славу русского войска. Тогда Кутузов спросил у Суворова:

— Желая знать: почему ваше сиятельство поздравили меня комендантом, когда я был в самом затруднительном положении, и для чего отправили к государыне с известием о взятии Измаила? Ведь дело тогда было еще довольно сомнительным.

— Я знаю Кутузова, а Кутузов знает меня, — отвечал Суворов. — Я знал, что Кутузов будет в Измаиле! А если бы Измаил не был взят, то и Суворов умер бы под его стенами и Кутузов также бы!

«ЗА БРЕСТ — ГЕОРГИЯ КРЕСТ...»

Один капитан участвовал во многих сражениях и был известен Суворову своим мужеством и храбростью. Но, к удивлению своему, этот капитан не получал никаких наград и повышений, а другие — менее достойные — получали и то и другое. Все об этом говорили, рассуждали, отыскивали причину, но так ничего и не могли найти.

Наконец, когда кампания была закончена, Суворов стал объявлять награды. Вызвал он и этого капитана и объявил так;

— А ему за Брест—Георгия крест; за Тульчин — полковника чин; за Прагу — золотую шпагу; а в заключение — за долгое терпенье — пятьсот душ в награждение!

«ТЫ ДОКАЗАЛ ЛЮБОВЬ КО МНЕ НА ДЕЛЕ»

Однажды в простой солдатской куртке Суворов бежал по лагерю.

— Эй, старик, стой! — закричал ему вслед сержант, присланный от генерала Дерфельдена с бумагами. — Скажи, где пристал главнокомандующий?

— А чорт его знает, — отвечал Суворов.

— Как?! — вскричал сержант. — Я привез к нему от генерала бумаги!

— Не отдавай! — кричал Суворов. — Он теперь или мертвецки пьян или горланит петухом!

Тут сержант замахнулся на него палкой и закричал:

— Моли бога, старичишка, за свою старость: не хочу о тебя рук марать! Ты, видно, не русский, если так ругаешь нашего отца и благодетеля!

Суворов давай бог ноги!

Через час он пришел домой. Сержант уже был там. Увидя Суворова, он хотел броситься к его ногам, но главнокомандующий обнял его и сказал:

— Ты доказал любовь к начальнику на деле: хотел поколотить меня за меня же!

И из своих рук попотчевал сержанта водкой.

«ЖАРКО, ПОМИЛУИ БОГ, ЖАРКО!»

В бытность в Финляндии Суворов вздумал однажды в сильный мороз погулять. За ним последовали многие штаб- и обер-офицеры гвардейских полков.

Суворов пошел в одном мундире, другие тоже последовали его примеру, но на всякий случай велели денщикам захватить шубы.

Думали, что прогулка будет не далее ближайшей деревни. Но идут версту, две, три, наконец, проходят деревню, а Суворов не доказывает и малейшего желания воротиться.

Прошли пять верст, Суворов все идет вперед. Миновали и другую деревню. Мороз жестоко пронял спутников Суворова, им стало уже невтерпех, и вот они незаметно дают знак денщикам подать шубы; закутались в них и идут дальше за Суворовым. А тот, как бы не замечая этого, только похваливает погоду:

— Как ясно! Как хорошо! Как тепло! Даже жарко! Пот градом бежит! Жарко, помилуй бог, жарко! Тришка, — крикнул он денщику, — сними с меня мундир!

Тришка подбежал, Суворов скинул свой мундир, отдал ему и пошел дальше, крича:

— Вперед, господа, вперед! Погода славная!

Тогда офицерам стыдно стало идти в шубах, и они отдали их денщикам, а сами пошли в одних мундирах.

Суворов шел еще версты две и тогда только решил повернуть назад, когда уже все продрогли и не шли, а бежали.

«КАК ВЫ НАПУГАЛИ МЕНЯ!»

Одному молодому офицеру было поручено встретиться со взводом солдат Суворова и представиться ему. Проехав некоторое расстояние, он увидел впереди почтовую тройку, везшую Суворова, и, желая предстать перед главнокомандующим истым гусаром, скомандовал:

— Марш! Марш! — и стрелой понесся навстречу тройке.

Но как же он был озадачен!

Суворов, завидя гусар, быстро соскочил с тройки и без мундира, в красной рубашке с косым воротом и с андреевской лентой через плечо опрометью пустился бежать по полю, в сторону от дороги.

Офицер, недолго думая, погнался за ним и осадил разгоряченного коня возле самого Суворова. Тот прикинулся испуганным, растерявшимся и, отдуваясь от усталости, говорил:

— Помилуй бог, помилуй бог, господин офицер! Как вы напугали меня! А я-то вообразил, что меня хотели ограбить в этой пустыне... (Встреча произошла в одной из степей, недалеко от Херсона.) Помилуй бог, как вы меня напугали!.. Ну, пойдете, пойдете!.. Славный у вас конь!..

И, взяв офицера под руку, Суворов шел с ним рядом и расспрашивал его о семье и службе как ни в чем не бывало.

«ВОТ КТО САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВРАГ ТВОИ!»

Один офицер своими постоянными колкостями и насмешками нажил много врагов в армии. Суворов знал об этом. Однажды он призвал этого офицера к себе в кабинет и просил его быть осторожнее.

— У тебя есть один очень сильный и опасный враг, — сказал Суворов, — и он тебе много, много вредит!

Офицер поблагодарил Суворова за предостережение и стал просить его назвать ему имя этого врага.

— Не граф ли это такой-то? — спросил он.

— Нет, — ответил Суворов.

— Не генерал ли такой-то?

— Нет!

— Не князь ли такой-то?

— Нет!

И, кого ни называл офицер, Суворов все отвечал: нет.

Тогда офицер в крайнем нетерпении стал упрашивать Суворова назвать ему имя его врага. Суворов наконец согласился и, как бы чего-то опасаясь, спросил:

— Плотно ли притворены двери?

Затем он подошел к дверям, запер их на ключ и тихонько сказал офицеру:

— Высунь язык!

И когда офицер это сделал, Суворов так же тихонько сказал ему:

— Вот кто самый опасный враг твой!

«СКОЛЬКО БУДЕТ ОТСЮДА ДО НЕБЕС?»

Суворов очень не любил, когда на его вопросы отвечали: «Не могу знать». Он не выносил такого «немогузнайства» и требовал от своих подчиненных точных и быстрых ответов.

Однажды он спросил одного из своих grenадеров:

— Сколько будет отсюда до небес?

— Два суворовских перехода! — быстро ответил находчивый солдат.

И Суворов остался очень доволен таким ответом.

«В НАШЕМ ПОЛКУ ЭТО СЛОВО НЕИЗВЕСТНО!»

Как известно, Суворов очень любил задавать подчиненным разные вопросы, отвечать на которые никто не смел выраженным «не могу знать».

Однажды Суворов спросил молодого кавалерийского офицера:

— Что такое ретирада (отступление)?

— Не могу знать, — невозмутимо ответил офицер.

Глаза Суворова засверкали, он был готов обрушиться на неосторожного кавалериста целым потоком гневных речей. Но офицер попрежнему невозмутимо продолжал:

— Не могу знать, ваше сиятельство, в нашем полку это слово неизвестно. И я никогда не слышал его.

— Славный полк! Славный полк! — закричал Суворов и, засмеявшись, сказал окружающим:

— Никогда не думал, чтобы проклятый немогузнайка мог доставить мне такое удовольствие!

«ВИНОВАТ ТОТ, КТО СДЕЛАЛ ДУРНОЙ ВЫБОР»

Располагая план одного сражения, Суворов поручил отряд войск одному полковнику, которого считал опытным воином.

Сражение было выиграно, и один только этот полковник по неосторожности очень худо выполнил поручение Суворова: он был разбит и лишился больше половины вверенного ему отряда.

Фельдмаршал сзывает весь свой штаб, приказывает также явиться и полковнику. Тот в смущении ожидает строжайшего выговора, ареста, а может быть, и более важного наказания. Но Суворов, к удивлению всех, принимает его очень ласково.

— Не беспокойся, — говорит он ему. — Винават тот, кто сделал дурной выбор. Это ошибся

фельдмаршал, он и должен быть за это наказан. Господин адъютант, возьмите мою шпагу! Суворов арестует фельдмаршала на два часа!

Адъютант принял шпагу, а Суворов удалился в особенную комнату, в которой пробыл до тех пор, пока адъютант не объявил, что арест кончился.

«КАКАЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ КНЯЗЕМ НИКОЛАЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ И МНОЮ?»

Князь Николай Васильевич Репнин отправил к Суворову с поздравлением своего любимого майора, очень ему преданного и очень бойкого. Суворов принял его чрезвычайно вежливо, но всячески старался уловить его в немогузнайстве, однако никак не мог.

На вопросы, сколько на небе звезд, сколько в реке рыб, майор сыпал миллионами. Наконец Суворов задает ему вопрос:

— Какая разница между князем Николаем Васильевичем и мною?

Ответ затруднительный, но майор не теряет присутствия духа и отвечает:

— Разница та, что князь Николай Васильевич желал бы произвести меня в полковники, но не может, а вашему сиятельству стоит лишь захотеть...

Это Суворову так понравилось, что он тотчас поздравил майора с чином полковника.

«СУВОРОВ БЛАГОДАРИТ И ПРОСИТ О ПРОДОЛЖЕНИИ ДРУЖБЫ»

Некогда, находясь на Кубанской линии, Суворов решил объехать ее. Слух об этом разнесся по линии, и каждый начальник ожидал в своем месте его прибытия. Но Суворов не любил, чтобы его ожидали; всегда приезжал, когда не чаяли, и так, что его не узнавали.

В этот раз выехал он в простых пошевнях и ночью приехал на почтовую станцию, где стоял со своею командою один капитан, старый служивый и весельчак. Он никогда Суворова не видел.

Услышав почтовый колокольчик, он вышел и никак не думая, чтобы то был Суворов, счел его за простого офицера.

— Э, брат служивый, — сказал он ему, — ты иззяб! Пойдем в избу, выпей чарку водки да поужинаем, что бог послал.

Суворов, благодаря его, вошел с ним.

Ужин был уже готов: на столе были кашница и штоф с водкою. Сели за стол. Суворов с отменной охотою ел горячую кашницу. Капитан спрашивал у него: кто он и куда едет? Суворов на первое отвечал ему, что в мысль попало, а на последнее, будто бы послан от Суворова заготавливать для него лошадей по линии.

— Странно! Не нашли тебя моложе! — сказал капитан. — Да сколько надобно лошадей?

— Бедь генерал хоть налегке едет, а нужны все восемнадцать, — отвечал Суворов.

— Вот тебе раз! А здесь только восемь. Ну, да станица казачья близка, за лошадыми не станет; изволит подождать. Но скажи мне, комрад, каков этот Суворов? Говорят, строг? Полно, я не боюсь: хоть в полночь приезжай — все у меня исправно. Я люблю служить у строгого командира!

— Неужели ты не слыхал о нем? Все говорят о нем, что он пьяница и чудак.

— Э-э! Ты, брат, шутишь! Видна птица и по полету! Он так загонял поляков и турков, что перед ним другие генералы — дрянь!

После этого много наговорил он в похвалу Суворову, на что Суворов частью говорил опровержения, частью соглашался.

Суворов с капитаном подружились, выпили еще по рюмке водки, переценили всех знакомых генералов, обнялись, пожали друг у друга руку, и Суворов поскакал далее.

Со следующей станции Суворов написал этому капитану записочку: «Суворов проехал; благодарит капитана за ужин и просит о продолжении дружбы».

«ФЕЛЬДМАРШАЛА НАДОБНО СЛУШАТЬСЯ»

Суворов соблюдал диету и был очень умерен в еде. Но иногда на него нападала охота и он ел слишком много каши. В таких случаях его слуга

Прошка протягивал руку, чтобы отнять у него тарелку, и говорил:

— Александр Васильевич, позвольте!

— Я есть хочу, Прошка!

— Не велено, — был ответ последнего.

— Кто же не велел, Прошка?

— Фельдмаршал.

— О! Фельдмаршала надобно слушаться! Помилуй бог, надобно!

И вслед за этими словами Суворов переставал есть и отдавал Прошке свою тарелку.

«ПОМИЛУИ БОГ, МНОГО УМА!»

Однажды в большой праздник изобретатель-самоучка Кулибин пришел к Потемкину и встретил у него Суворова.

Как только Суворов увидел Кулибина из другого конца залы, он быстро подошел к нему, остановился в нескольких шагах, отвесил низкий поклон и сказал:

— Вашей милости!

Потом, подступив к Кулибину еще на шаг, поклонился еще ниже и сказал:

— Вашей чести!

Наконец, подойдя совсем к Кулибину, поклонился в пояс и прибавил:

— Вашей премудрости мое почтение!

Затем он взял Кулибина за руку, спросил его

о здоровье и, обратясь ко всему собранию, проговорил:

— Помилуй бог, много ума! Он изобретет нам ковер-самолет!

ЗНАТНЫЙ ГОСТЬ

Император Павел возвел в графский чин своего камердинера Кутайсова. Тот необыкновенно возгордился и заважничал.

Однажды высокопоставленный выскочка зачем-то пожаловал к Суворову.

Суворов выбежал ему навстречу, кланялся ему в пояс, чуть не в поги, и кричал:

— Куда мне посадить такого знатного человека? Простое место ему не к лицу будет! Эй, Прощка, Прощка! Ставь кресло па диван!

Прощка исполнил приказание, и Суворов с полклонами просил Кутайсова сесть на приготовленное для него «почетное место», приговаривая с улыбкой:

— Сюда, сюда, батюшка! Выше всех! Почетнее всех! А уж если свалишься, помилуй бог, — не моя вина!

«ЧТО ИЗ НЕГО БУДЕТ,—НАМ НЕИЗВЕСТНО»

Однажды Суворов шел по дворцу рядом с каким-то сановником, весьма невысокого происхождения. Заметив, что сановник держит себя со все-

ми весьма надменно, Суворов вдруг остановился и начал низко кланяться истопнику. Сановник шепчет ему, что это истопник.

— Знаю, — отвечает Суворов. — Мы оба знатные, всем известные, а что из него будет, — нам неизвестно. Поэтому надобно его задабривать.

«Я НИЧЕГО НЕ ЕЛ»

Князь Потемкин не раз напрашивался к Суворову на обед; тот всячески отговаривался, но наконец вынужден был пригласить его с многочисленной свитой.

Пригласив потемкинского же метрдотеля Матью, славившегося своим искусством, Суворов поручил ему приготовить великолепный обед, не шадя денег. Для себя же лично своему повару Мишке велел сделать обычных два постных блюда.

Обед оказался великолепным и удивил даже самого Потемкина; «река виноградных слез», как поэтически выразился сам Суворов, «несла на себе пряности обеих Индий». Сам же хозяин под предлогом нездоровья и поста ни до чего не дотронулся, кроме своих постных блюд.

На другой день метрдотель принес Суворову счет, простирившийся за тысячу рублей, но Суворов надписал на нем: «Я ничего не ел» — и отправил к Потемкину.

— Дорого мне обошелся суворовский обед! — сказал Потемкин и оплатил счет.

СУВОРОВ ПРИВЕТСТВУЕТ ВЫСКОЧКУ

Приехал раз к Суворову один сановный выскочка.

Генералиссимус, увидя подъезжавшую карету, выбежал навстречу. Он отворил дверцу кареты, вошел в нее, громко приветствовал гостя, затем выпрыгнул, захлопнул дверцу и велел кучеру уезжать обратно.

ПЕСНИ О СУВОРОВЕ

I. ИЗ ПЕСНИ О БОЕ ПОД ГРОСС-ЭГЕРСДОРФОМ

...Они билися-рубился
Четырнадцать часов.
Утолилася баталья —
Стали тела разбирать:
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
А еще того подале
Заставали душу в теле,
Заставали душу в теле —
Лопухин лежит убит,
Лопухин лежит убит,
Таки речи говорит:
«Ох, вы гой еси, робята,
Мои верные слуги!
Вы подайте-ко, робята,
Лист бумаги гербовой,
Лист бумаги гербовой,
Чернильницу со пером.
Напишу я такую радость

Государыне самой:
Князь Румянцев-генерал
Много силы истерял;
Вор Потемкин-генерал
В своем полку не бывал,
В своем полку не бывал,
Всею силу растерял —
Кое прошил-промотал,
Кое в карты проиграл;
Которая на горе —
Стоит по груди в крове;
А котора под горой —
Заметало всю землей.
А Суворов-генерал
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал —
Короля во полон брал!»

II. СУВОРОВ ОБОДРЯЕТ СОЛДАТ

Собиралася да снаряжалася
Наша армия в путь-дороженьку,
Надевали солдатуски ранцы тяжелые,
Брали ружья, сабли острые.
Подходили-то наши солдатуски
Да ко морю ко синему.
На синем-то да на морюшке
Нет ни лодочки, ни кораблика.
Призадумались солдатуски,
Призадумались, закручинились:

«На чем же мы, добры молодцы,
Переедем да переправимся?
Глубоко ли море синее,
Далеко ли, широко раскинулось?»
Как выходит тогда ко солдатушкам
Енарал седой да Суворов-князь.
Да как глянул он на солдатиков,
Веселешенько улыбаючись:
«А почто мои детоньки призадумались?
Аль утрапились моря синего,
А за морем силы неверныя?»
«Ой, ты гой еси, да Суворов-князь,
Командир ты наш, начальничек!
Не страшна-то нам сила вражия,
Да страшон-то нам окиян-буян,
Окиян-буян, море синее:
Нет на море том перевошика,
Ни весельца-то да ни лодочки».
Уж как гаркнет тут Суворов-князь:
«Ой, вы гой еси, братцы-солдатики!
Вы снимайте-ка с плеч ранцы тяжелые,
Уж вы ставьте-ка в козлы ружья меткие,
Вы берите-ка топорики острые,
Вы плотите-ка мосты, плоты широкие!..»

Что не гул идет по поднебесью,
Что не шум шумит по темным лесам —
То плывет-летит паша армия.
Злая сила вражья испужалася,
По разным сторопушкам разбежалася!

III. ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Где ты, ворон, был, где полётывал?
Ты скажи, ворон, что видал-слыхал?
Что случилось во Туречине,
В грозной армии Суворова?
Не убит ли мой сердечной друг,
Сердцу верному зазнобушка?

«Я летал-летал, полетывал,
По белу свету погуливал,
В след за армией православною;
Я клевал-клевал, поклевывал
Тело вражье — бусурманское;
Я видал диво, диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Как наш батюшка, Суворов князь,
С малой силой соколóв своих
Разбивал полки тьму-численны,
Полонил пашей и вѣзирей,
Брал Измаил, крепость сильную,
Крепость сильную, заветную.
Много пало там солдатушек,
За святую Русь, отечество,
И за веру христианскую.
Я принес тебе и весточку,
Что твой милой друг на приступе
Пал со славой русска война.
Он велел отдать кольцо тебе
Обручальное, с челобитьнцем,

Чтобы красная ты, девица,
Не кручинилась, не печалилась.
Князь Суворов, наш отец родной,
Смерть отместил он своих детушек
Над главами басурман-врагов:
Он отпел тела геройские,
Проронил слезу отеческу
И, по долгу христианскому,
Над могилой их поставил крест...»

IV. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СМЕРТИ СУВОРОВА

Свети, свети, месячку, и ты, ясна зоренька!
Просвети дороженьку до нового гробику.
Как у том у гробику да лежит наш батюшка;
В головах горят золоты лампадушки,
По бокам высокие горят свечи яркие,
Во ногах стоит млад донской казак —
Стоит, богу молится, слезью заливаается
По кончине батюшки славного Суворова:
«Увстань, проснись, батюшка, увстань, наш
родимый,
Посмотри на армию, на солдатску гвардию.
Как у той у армии, у солдатской гвардии,
В поход снаряжаются, с родными прощаются,
С родными прощаются, плачут и кручинятся —
Нету с нами батюшки славного Суворова!
Как он нам приказывал: «Вы ли храбры вонны,
Вы ли все солдатушки царя православного!

Вы не бойтесь холоду, вы не бойтесь голоду,
Не бойтесь, солдатухи, наших злых злодеев вы!»
Кланялся солдатухам головой седою он.
И пошли солдатухи за ним припеваючи;
Пошли, забирался на горы крутые,
Головой хватался под черные тучи,
По Чортову мосту что не перекинулись!
Не глядя на зимушку ветряну, холодную,
Одну думу думали — гнать злодея по следу,
И с тобою, батюшка, над злодеем тешились.
Был ты нам отец родной, слуга царю верный,
И всегда-то с радостью по всей Руси-матушке,
По всей по Руси святой Суворова славили.
Ужо помнить будешь ты, злодей, православных,
Что ни храбра воина нашего Суворова!..

ИСТОЧНИКИ

В а с и л и й Л е в ш и н — Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, в коих изображается истинный дух и характер сего героя. 3-е издание, М., 1814.

В. Ф. П о т а п о в — Новые анекдоты батюшки великого Суворова. М., 1846.

И. З е й д е л ь — Анекдоты князя италийского, графа А. В. Суворова. СПб., 1865.

«Сборник анекдотов из жизни великих, замечательных и остроумных людей». М., 1896.

«Жизнь и подвиги светлейшего князя А. В. Суворова». Издание И. Д. Сытина, М., 1901.

М. Ш е в л я к о в и Я. Щ е г о л е в — Суворов в анекдотах. СПб., 1900.

В. Е. Р у д а к о в — Генералиссимус князь А. В. Суворов в анекдотах и рассказах современников. СПб., 1900.

М. Г. Кривошлык—Исторические анекдоты.
СПБ., 1896.

М. Г. Попов—Боевые песни русского солдата.
СПБ.; 1893.

П. В. Петров—Суворов в родной поэзии.
СПБ., 1900.

П. В. Шейн—Русские народные песни (исторические). М., 1877.

П. В. Киреевский—Песни, собранные П. В. Киреевским. Выпуск IX. М., 1872.